

ИРОНИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ В РУССКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ: ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Тарабанова Вамбр Ольга

Университет Лион 3 имени Жана Мулена,
Лион, Франция

Аннотация: В статье рассматривается явление «иронического отрицания» («Как же! Пошла я за него замуж!», «Угу, помогут они!» и т.д.) в русском языке. Мы показали, что в подобных высказываниях систематически воспроизводится глагол, использованный в реплике-стимуле, а также реинтерпретируется роль собеседника. Мы выявили, что при «ироническом отрицании» одной из тактик говорящего является применение этического датива, а отсутствие в речи частиц и коммуникем может привести к неверной трактовке сообщения. В целом мы предлагаем рассматривать данный феномен в рамках синтаксической фразеологии.

Ключевые слова: ирония, ироническое отрицание, синтаксические фразеологизмы, прагматика, синтаксис

Понятие иронии возникло ещё в античную эпоху. Первое известное употребление слова с корнем εἴρων (от греч. ‘тот, кто задаёт вопросы’) – эйрон – зафиксировано в комических пьесах Аристофана, где оно означает нечестного и хитрого персонажа, притворщика. В этот период слово «ирония» имеет негативную коннотацию, однако «эйрон» характеризуется как отрицательными (скрытностью, притворством), так и положительными чертами (умом и хитростью), семантически сближаясь с архетипическим образом «трикстера» [Мерсье-Лека 2003: 10]. Позже термин «эйрон» появляется в «Философских диалогах» Платона, где он применяется для описания Сократа как своеобразного «трикстера», уступающего оппонентам во внешнем виде и положении, занимаемом в обществе, но превосходящего их в уровне интеллекта. Именно с этого момента «скрытность», или «имплицитность», становится важным определяющим компонентом иронии.

Помимо классического спора о том, что представляет собой ирония: «фигуру мысли» (Цицерон; Кьеркегар; Бозе) или «антифразис» (Дюмарсе; Фонтанье; Бергсон), – в риторике и философии активно обсуждались немецкая теория «романтической иронии», теория «барочной иронии» Ролана Барта, теории «постмодернистской» (Деррида; Поль де Ман) и «полифонической» иронии (Дюкро; Перрен). Как лингвистическое явление ирония традиционно изучалась в рамках лексикологии, стилистики и анализа текста в качестве риторического приёма, что можно наблюдать на примере многочисленных научных работ, посвящённых данной теме (Походня; Лазарева; Смирнова). Несмотря на много-

образе зарубежных исследований, описывающих явление иронии с точки зрения теории речевого акта (Кербрат-Орекьони; Вандервекен; Спербер и Уилсон; Утсуми), грамматические средства создания иронии все ещё до конца не определены ни в одном языке.

Задача нашего исследования – выявить основные грамматические маркеры иронии как языкового феномена разговорной речи в русском языке. В качестве предмета исследования мы выбрали одну из разновидностей иронии, явление, которое мы вслед за Д. Шмелёвым, М. Гловинской и Е. Падучевой, называем «ироническим отрицанием». Данный вид иронии широко распространён в диалогической речи в высказываниях с восклицательной интонацией типа «Угу, помогут они!» или «Как же! Пошла я за него замуж!», выражающих не прямое отрицание как несогласие говорящего со словами или действиями собеседника с обязательным добавлением семантического компонента насмешки.

В качестве единицы анализа иронического отрицания принят фрагмент текста, соответствующий «мини-диалогу», т.е. разговору двух людей на определённую тему, содержащему, как правило, две реплики: реплику-стимул и реплику-реакцию, передающую значение иронического отрицания. Для построения корпуса исследования мы взяли за основу выборку текстов НКРЯ (со второй половины XIX по XXI век). Первичная выборка сформирована на основе поисковых запросов, содержащих глаголы во всех видовременных формах перед восклицательным знаком или запятой (расстояние от нуля до двух слов). После анализа результатов запроса были сделаны выводы о типичных моделях не прямых отрицаний с семантикой насмешки с тем или иным глагольным предикатом (например, наличие определённых частиц в препозиции), и результаты соответствующих поисковых запросов сформировали окончательную выборку в двести единиц анализа.

От речевого акта отрицания такие высказывания отличает использование утвердительных форм, т.е. грамматическая имплицитность диктума сообщения; от простого косвенного отрицания – сложная коммуникативная цель говорящего, которая заключается не только в самом отрицании, но и в намерении высмеять собеседника или третье лицо, поставив под сомнение или критикуя озвученное им высказывание. Данная особенность подобных конструкций находит своё выражение в ироническом модусе фразы. Авторские ремарки также могут содержать прямое указание на насмешку, передающееся с помощью лексических единиц с семантикой *смеха* или *иронии*, например, *усмехнуться* (*скептически, грубо*), *засмеяться*, *вскричать с иронией*, *насмешливо* (*пробормотать, отвечать, процедить*), *захохотать* (*словно сумасшедший*), *ответить с усмешкой*, *весело проговорить*, *упасть от смеха*, *залиться*:

(1) – Чего мне скрывать?

– Пугаешь, да? – *залился* он. – Ну напугал!.. Да мы ведь тоже грамотные: сын-то ведь за отца чего?.. Не отвечает?.. Ну вот. [Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)]¹

Одним из наиболее распространённых грамматических маркеров иронического отрицания мы считаем **воспроизведение глагольного предиката**, использованного в реплике-стимуле посредством его цитирования (2) или перифраза в рамках теории речевого акта с использованием лексических средств: языковых (3) или контекстуальных синонимов (4):

(2) – *Замёрзнет*.

– *Замёрзнет* он! Как бы не так. [Фёдор Абрамов. Две зимы и три лета (1968)].

(3) – Действительно, откуда ему *знать*, нравятся ли такие юным девушкам?

– Это ты брось! – не поверила Альбина. – Не *понимает* он! Все ты понимаешь, только завидки берут – ну так и скажи. [Георгий Полонский. Не покидай (1998)]

(4) [Ася Зверева] *Лежу с бронхитом*, мучаюсь от безделья. [...]

[Рошин] Сколько можно лежать, Зверева! Тоже мне, уважительная причина, *температурит* она! [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)]²

Вид воспроизводимого в ироническом отрицании глагола может как отличаться от вида глагольного инварианта в реплике-стимуле, так и соответствовать ему. В контексте «мини-диалога» возможны любые видовременные корреляции внутри реплик:

1) глагольный предикат в реплике-стимуле выражен глаголом несовершенного вида, ироническое отрицание заимствует тот же глагол в совершенном виде:

(5) – Говорят, всех *принимает*, а с вами ещё и дружен...

– *Примет*, как же! Он теперь шишкой заделался. Народный комиссар всего образования, можете вообразить? [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]

2) глагольный предикат в реплике-стимуле выражен глаголом совершенного вида, а в ироническом отрицании – несовершенного:

(6) – Но позвольте, как же это?.. Не *предупредивши*...

– О, боже мой, что там *предупреждать* ещё!.. Предупредите, как приедем! [В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 5 (1867)]

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация приводятся в соответствии с источником.

² В данном примере наличие бронхита подразумевает высокую температуру больного, поэтому «лежать с бронхитом» здесь является контекстуальным синонимом глагола «температурит».

3) оба глагольных предиката выражены глаголами несовершенного вида:

(7) – Он же предатель, как ты можешь за него заступаться?

– Неправда. Он сам *страдает!*

«Ах, *страдает* он!» – про себя усмехнулся Жан-Поль. [Георгий Полонский. Медовый месяц Золушки (1986) // «Театр», 1988].

4) оба глагольных предиката выражены глаголами совершенного вида:

(8) – Пропадёт на улице, с голоду *издохнет!*

– Как же! Такой *издохнет*, вон морду-то какую отъел! [Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005)]

Важно также отметить, что в примере (5) различается не только план выражения вида, но и план содержания: в синтагме «всех принимает» вид глагола выражает регулярность действия, а его пациенс, помимо говорящего и слушающего, включает и третьих лиц. В ироническом же отрицании «Примет, как же!» речь идёт об однократном однонаправленном действии, где пациенсом действия является именно участник коммуникативной ситуации.

Встречаются примеры, в которых глагол, «воспроизводимый» в реплике с ироническим отрицанием, не эксплицирован в реплике-стимуле, а находится в пресуппозиции:

(9) – Эй, пчелы! – крикнул Медвежонок, когда они остановились под деревом, на котором жили лесные пчелы. – Не дадите ли вы мне немножко медку?

– Как же! – сказала Главная Пчела. – *Жди!*

– Он и так уже целую неделю *ждёт*, – сказал Заяц.

– Я *жду*... – сказал Медвежонок.

– Вот и *жди!* – сказала Главная Пчела и спряталась в дупле. [Сергей Козлов, Правда, мы будем всегда? 2015].

В данном примере реплика-реакция Главной Пчелы «Как же! Жди!» не была воспринята главными героями как ироническое отрицание как раз из-за того, что семантика готовности к ожиданию (то есть к действию, представляющая самое прямое значение анализируемой лексемы) уже была актуализирована в реплике-стимуле Медвежонка. При реализации речевого акта просьбы («Не дадите ли вы мне...» = «Дайте мне, пожалуйста...»), говорящий изначально ожидает выполнения своей просьбы адресатом и, следовательно, может не сразу определить иронию в его ответе. С другой стороны, повествователь строит иронию более высокого, текстуального уровня (чтобы потешиться над наивностью Медвежонка и Зайца) на многозначности коммуникемы (коммуникативной непредикативной единицы, подробнее см. ниже) «как же», которая может выражать как отрицательное, так и положительное значение, и лексеме «жди», которая может быть воспринята и как глагол в прямом значении, и как коммуникема. Благодаря лингвокультурному контексту ироничность ответа Главной Пчелы для читателя очевидна.

Что касается видовременных характеристик глагольных предикатов с ироническим отрицанием, они могут быть различными, однако наиболее сильный иронический эффект, как правило, достигается благодаря *контрасту между контекстом и грамматической формой предиката в ироническом отрицании*: например, при использовании форм прошедшего времени в значении будущего (также называемое «прошедшее в будущем», (10)) и, наоборот, будущего времени в значении прошедшего («будущее в прошедшем» (11)):

(10) – Ты останешься вечером с ребёнком?

– Как же, *осталась* я. [≈ не останусь. – О. Т. В.]

(11) – Ну что, послушалась она его?

– Как же, *послушается* она. [≈ не послушалась. – О. Т. В.] [Гловинская 2001: 174].

Иронические высказывания данного типа всегда содержат глагольный предикат совершенного вида, и, в силу своей распространённости, могут являться причиной превалирования данного вида глаголов в иронических отрицаниях (две трети предложений корпуса исследования имеют глагольный предикат совершенного вида). Французским русистом Р. Камю был даже сформулирован отдельный вид прошедшего совершенного времени в русском языке для предложений типа (11), который он назвал «прошедшее совершённое антифрастическое (ирония)» (fr. *passé perfectif antiphrastique (ironie)*) [Камю 2011: 9]. В целом подобные транспозитивные конструкции активируют воображение адресата сообщения, апеллируя к его чувству юмора (Арутюнова 1990), а также передают не столько отрицание конкретного факта, сколько некое общее положение вещей [Гловинская 2001: 174]. Для сравнения, если мы поменяем время глагола в примере (11) на прошедшее, речь будет идти только об однократном действии, а не, как в случае с наглядно-примерным значением формы будущего времени, о других подобных ситуациях, в которых субъект ведёт себя похожим образом («Как же, *послушается* она» ≈ «Она не послушалась» + «Она очень часто / всегда не слушается»).

Следующим маркером иронического отрицания является **наличие частиц** (*ну, вот, да, ещё* и др.) **и устойчивых выражений** или нескольких расположенных к ряду частиц, обладающих общим смыслом, которые мы вслед за В. Меликяном назвали термином «коммуникемы» (*(ну/да) вот ещё (чего), ну... тоже, тоже (мне), нашёл(-ся), как бы не так, как же, держи карман шире, жди/дождидайся, спешу аж падаю, видали* и др.). Коммуникемы выражают субъективно-объективное отношение говорящего к определённым событиям или объектам: отношение диктума реплики-стимула к реальности и отношение говорящего к полученному сообщению или к собеседнику [Меликян 2014: 93]. Коммуникемы, являющиеся маркерами иронического отрицания, чаще всего содержат две пропозиции: одну – со значением отрицания, другую – с субъективно-модальным значением иронии, находящимся в пресуппозиции, и актуализующимся в речевом акте.

С одной стороны, можно предположить, что использование частиц и коммуникем связано скорее с разговорным регистром языка: они придают некую спонтанность и непринуждённость речи. С другой стороны, они являются связующим звеном между двумя репликами диалога, выполняя коммуникативную функцию, особенно это касается данных единиц, размещенных в позиции начала предложения. Однако в предложениях с ироническим отрицанием частицы и коммуникемы прежде всего призваны подчеркнуть, усилить, а порой и создать необходимый контекст для интерпретации иронии адресатом.

Элементарные частицы «ну» и «вот» в сочетании с предикатом и соответствующей просодией, а именно намеренным растягиванием ударного гласного звука в слове, на котором лежит основная ироническая нагрузка («Ну напуг[aaa]л!» в примере (1), примерах (12) и (13)), выступают как комплексное средство (фонетический компонент сопутствует грамматическому) создания иронии, придавая оценочность высказыванию:

(12) – А, именинник наш! Ну, ты отлич[ишш]лся! Суицид у твоей Бородулиной! [Михаил Чулаки. Прощай, зеленая Пряжка (1998)].

(13) – Мы вам заплатим сто пятьдесят долларов...

– Вот испуг[aaa]ли! [Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001)].

Частица «ещё», которая совместно с частицей «вот» может являться основой коммуникем («вот ещё», «ну вот ещё», «вот ещё что», «да вот ещё что»), функционирует как смысловой выделитель реплики или синтагмы, а также может подчёркивать несогласие говорящего с предыдущим высказыванием [РГ, т. 1: 727]:

(14) Работая по группе Аякса, он добросовестно сообщал сведения, которые добывал о членах группы, но упорно уклонялся от ответа на вопрос о том, откуда он эти сведения получил.

Ты *ещё* потребуй, чтобы я тебе свою агентуру по пальцам перечислил – насмешливо отвечал он Ташкову, который руководил разработкой «казанских» в целом. [Александра Маринина. Иллюзия греха (1996)].

Чем длиннее цепочка частиц или состоящая из них коммуникема, тем сильнее выражается оценочность и категоричность высказывания. В примере (15) компонент авторской ремарки «пренебрежительно» указывает на то, что оценочность иронического отрицания выражена преимущественно интонационно и фонетически (принимая во внимание фонетико-графический приём, к которому прибегнул автор в слове «философ», для усиления передаваемой эмоции). В примерах (16) и (17) «хохоток» и «усмешка» представляют собой уже полноценные физиологические эмоциональные реакции, указывающие на более высокую степень оценочности, и в свою очередь, ироничности:

(15) – Любить-то все можно, да ничему одному сердца не отдавать, чтобы не быть съеденным, – заметил Саша, все время молчавший.

– *Вот ещё* филозов объявился, – *пренебрежительно заметила* тётка. [М. А. Кузмин. Крылья (1908)].

(16) Он тогда тупо, именно тупо и с *хохотком* повторил: «*Ну вот ещё*, станет он помнить Птицына» [Владимир Маканин. Человек свиты (1988)]

(17) После, когда в России я встретился с художником, то на вопрос мой: «Откуда вы брали вид на Браиловский мост?» – он с *усмешкой* мне ответил: «*Да вот ещё чего* захотели, я там и не был и, конечно, навалял всё из головы. [А. П. Боголюбов. Записки моряка-художника (1888)].

В некоторых случаях частицы и коммуникемы составляют основу иронического отрицания, и исключение их из высказывания может привести к потере иронического смысла и коммуникативной неудаче:

(18) – Хорошо. Это?

– Господи, да «Грачи прилетели», Саврасова... – уже обижаясь, буркнула она. – Ты мне *ещё* плакат «Миру – мир!» загадай.

Он захохотал – сочно, раскатисто, словно в горле жил кто-то самостоятельный и слегка поддатый [...]

(18??) – Хорошо. Это?

– Господи, да «Грачи прилетели», Саврасова... – уже обижаясь, буркнула она. – Ты мне плакат «Миру – мир!» загадай.

Он захохотал – сочно, раскатисто, словно в горле жил кто-то самостоятельный и слегка поддатый [...]

В примере (18) ирония говорящего очевидна. Собеседник загадывал слишком лёгкие картины, и фраза «Ты мне ещё плакат „Миру – мир!“ загадай» гиперболична, она не является просьбой, а критикует действия участника диалога. Пример (18??) с тем же высказыванием, но без частицы «ещё»: «Ты мне плакат „Миру – мир!“ загадай» однозначно интерпретируется как прямая просьба, а не ироническое отрицание, что приводит к недостижению инициатором общения коммуникативной цели.

Иногда только коммуникемы достаточно для передачи иронического отрицания: например, выражение «спешу аж падаю» может выступать в качестве ответа на вопрос и выражает отрицание и насмешку одновременно.

Дополнительной особенностью предложений с ироническим отрицанием, выраженной фонетическими средствами языка, является **присутствие удлинённой интонационной паузы** после коммуникемы в позиции начала предложения перед фрагментом реплики, в котором актуализируется коммуникативная цель высказывания. Если реплика-реакция, состоящая из одного или нескольких предложений с ироническим отрицанием, начинается с полисемичной коммуникемы, её актуализация с позиции читателя-интерпретатора проис-

ходит при появлении дальнейшего контекста. Целью данной интонационной паузы является мобилизация дополнительных интеллектуальных усилий реципиента сообщения, необходимых для его правильной интерпретации [Меликян 2014: 156, Дементьев 2006: 5]:

(19) – Он тебе разве не поможет?

– Как же! Поможет он! – *с иронией вскричал Сергей*. [несогласие, отрицание. – О. Т. В.]

(19') – Он тебе разве не поможет?

– Как же! Поможет он! *Я уверен! Он всегда сдерживает свои обещания*. [согласие, утверждение. – О. Т. В.]

Следующим частотным способом выражения иронического отрицания является **реинтерпретация роли адресата**, представляемого в диалоге грамматической формой третьего лица:

(20) – Если не будешь кормить, я с тобой разведусь, – пообещала Настя, рисуя на экране таблицу.

– Да куда тебе! *Разведётся она*, – проворчал Чистяков, собирая со стола свои записи. – Тебе даже бутерброд сделать лень, не то, что разводиться. [Бонно, 2010: 3]

Как это показано в примере (20), один из участников диалога цитирует своего собеседника, говоря о нём в третьем лице посредством использования личных местоимений и рема-тематического порядка слов, играющего роль схожую с ролью кавычек:

(21) – Ну чего, все спишь?!

– Никак нет, служу.

– Видали, *служит* он! А что там за картошка у тебя, что у вас там за бардак творится?! [Олег Павлов. Казённая сказка (1993)].

(22) – Не хотите мне отдельно – и ладно, я себе сам скоро квартиру куплю...

– А? Каков? *Купит* он! На что купит? [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

Говорящий иронизирует над словами собеседника, словно призывая в свидетели некоего вымышленного участника беседы, который бы подтвердил несоответствие слов оппонента реальному положению дел [Бонно, 2010: 10]:

(21') Он не служит, он спит.

(22') Он не сможет купить квартиру, у него нет на это средств.

Этот прагматический приём позволяет говорящему дистанцироваться, отстраниться от слов собеседника посредством иронии, отрицая их и демонстрируя собеседнику нелепость его высказывания не только с точки зрения говорящего, но и с точки зрения условной «объективной» реальности. Кроме того, коммуникема «видали» в примере (21) усиливает эффект обращения к вымышленному

участнику диалога, как к некой публике, постороннему наблюдателю. Базовая структура таких предложений с ироническим отрицанием представляет собой формулу «V_{згер} Pron₃!», где V_{згер} – воспроизведение глагольного предиката, использованного другим участником диалога, в форме третьего лица, Pron₃ – личное местоимение третьего лица, соответствующее роду и числу собеседника(-ов).

В рамках реинтерпретации роли адресата в диалоге находит своё выражение и другой маркер иронического отрицания – **применение этического датива** (дательного этического падежа или дательного интереса). Местоимения первого и второго лица в форме этического датива используются не в своём прямом значении, а в функции, близкой к вводному слову [Ахманова 1966: 120], для усиления значения субъективной модальности и эмфатичности фразы:

(23) – Вот я [...] и предложил ему побыть на страже с нами нынешнюю ночью, и если дух покажется опять, проверить это и заговорить [...] с ним» ...

Иванов говорит: «[...] Так он *вам* и явится!» [В. Ф. Кормер. Крот истории или революция в республике S=F (1979)]

Местоимения в форме дательного этического падежа могут передавать оттенок критики, как например, этический датив «тебе», передающий значение «как ты неправильно думаешь» [Падучева 1990: 309]. Следовательно, присутствие этического датива в предложениях с ироническим отрицанием усиливает значение критической оценки речи оппонента:

(24) – Иди-иди, – сказал Медвежонок. – Сейчас Поросёнок *прибежит*.

– Ха-ха! Так он *тебе* и прибежит! Поросёнок в город уехал. [Сергей Козлов. На всю весну // «Мурзилка», 2003].

В силу частотности и лёгкой воспроизводимости иронических отрицаний в неформальной речи мы предлагаем отнести этот феномен к синтаксической фразеологии. Иронические отрицания, как правило, имеют относительно фиксированную схему построения и ограниченные в варьировании грамматические формы, что позволяет нам отнести их к фразеосхемам, используя термин Д. Шмелёва [Шмелёв 2002: 419]. Лексическая наполненность предложений с ироническим отрицанием довольно свободная, в отличие от их грамматической структуры, так как именно благодаря определённому конвенциональному и автоматически воспроизводимому сочетанию частиц и коммуникем, глагольных форм и порядка слов, высказывание практически безошибочно интерпретируется как ироническое.

Изменяемый элемент фразеосхемы – чаще всего глагольный предикат, не ограниченный лексически и полностью зависимый от контекста, а также различные синтаксические расширители. К неизменяемым компонентам иронических отрицаний можно отнести частицы, коммуникемы, а также некоторые застывшие формы, утратившие свои лексические и категориальные значения (Шведова 1958: 94). Наиболее часто встречающиеся из них – это бывшие глагольные формы

нашёлся/нашлась/нашлись (25) и *нашла/нашли/нашёл* (26); бывшие наречия *очень* (27), *много* (28), находящиеся в начале высказывания:

(25) – Очень просто! Я выхожу замуж за Николая. Артист женится на тебе, а эти двое сослуживцев тоже составят вполне счастливую пару, служащую в одном учреждении. Вот как нам надо сделать. [...] – Здравствуйте, пожалуйста! У ней, кажется, куча ребятишек, а я на ней буду жениться. Тоже, знаете, *нашли* простачка. [Михаил Зощенко, Забавное приключение, 1936]

Тоже, знаете, *нашли* простачка [≈ Тоже мне простачок! ≈ Я Вам что, простачок? – *О. Т. В.*]

(26) – Да нет, мне хочется, чтобы вы меня называли как-нибудь нежно, любовно, ну там, «киса», «чижик»! А! Рыбка!

– Что вы, мамуля! Не могу же я, в вашем возрасте... Какая ж вы рыбка?!.. Тоже мне рыбка *нашлась*! [к/ф «Не может быть!», реж. Л. Гайдай, 1975]

Тоже мне рыбка *нашлась*! [≈ Рыбка, как же! – *О. Т. В.*]

(27) – Женщина явно тоскует без мужчины.

– *Очень* ты мне нужен, – отозвалась Наталья с кокетливым смехом. [Алексей Слаповский. Любовь по-нашему // «Знамя», 2003]

Очень ты мне нужен [≈ Нужен ты мне! – *О. Т. В.*]

(28) И продолжая жаркий спор с невидимыми противниками, Будагов в пику им, заумным и некорректным, привёл лосевское определение слова: «Слово не есть понятие, но слово есть определённым образом выраженное понятие». Античный хор хранил слабую снисходительную усмешку, как бы желая сказать: «*Много* ты понимаешь в наших определениях!»

Много ты понимаешь в наших определениях! [≈ Понимаешь ты! – *О. Т. В.*]

Иногда одного порядка слов при соответствующем контексте достаточно, чтобы выразить ироническое отрицание через фразеосхему. Очень распространёнными являются конструкции, в которых в качестве грамматической основы фразеосхем выступает тема-рематическая инверсия с порядком слов *V-s* (примеры 2,3, 20,22):

(29) – [...] Да и та замуж выйдет и тоже ходить перестанет!

– *Ага, выйдет она!* – крикнула мама из соседней комнаты, убавив громкость телевизора. – За тридцать лет ещё ни разу не вышла [...] [Ольга Гришаева. Невеста // «Волга», 2012]

(30) – [...] Люди должны помогать друг другу.
– Помогут они! – с иронией вскричал Илья. [Максим Горький. Трое (1901)]

Таким образом, на материале исследованных примеров мы выявили, что ироническое отрицание выражается, как правило, следующими фразеосхемами: (<...> обозначают возможные расширители; [...] – другие лексемы или языковые категории; V_f – спрягаемая форма глагола; Inf – инфинитив; N – существительное; Adj – прилагательное, Adv – наречие; Pron – личное местоимение; V_{fPP} – спрягаемая форма глагола совершенного вида в перфектном значении; $V_{fF-in-P, P-in-F}$ – спрягаемая форма глагола совершенного вида в значении «будущего в прошедшем» и «прошедшего в будущем»; при символах N и Pron цифры от 1 до 6 обозначают соответственно падежи: 1 – им. п., 2 – род. п., 3 – дат. п., 4 – вин. п., 5 – тв. п., 6 – предл. п.; цифра 2 со следующим дальше многоточием ($N_2/Pron_2...$) обозначает: «существительное в форме одного из косвенных падежей»; подчёркнутые элементы могут менять своё положение в предложении, чаще всего перемещаясь в конец высказывания):

- <Ну/Да/Вот>_(,) + <ещё> + V_f [Inf, N, Adj, Adv]!
- Тоже + < мне >_(,) + N_1 + < нашлась/нашёлся/нашлись >!
- Тоже + < мне >_(,) + < нашла/нашёл/нашли > + N_4 !
- < Как же [Угу, Ага, Как бы не так, Да куда тебе, Видали, Спешу аж падаю, etc.] >_(!,) + <дожидайтесь/дожидайся/жди > + V_f + < $N_1/Pron_1$ > + < $N_2.../Pron_2...$ >!
- V_{fPP} + «нечего сказать»!
- Так + < $Pron_1$ > + < $Pron_2...$ > + и + $V_{fF-in-P, P-in-F}$
- Очень + < $Pron_1$ > + < нужен/нужна/нужны >!
- Много + < $Pron_1$ > + V_f !
- V_f статья + $N_1/Pron_1$ + Inf!

Библиографический список

Арутюнова 1990 – Арутюнова Н.Д., Речь // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, Издательство: Советская энциклопедия, 1990 – 414 с. – ISBN 978-5-94865-189-7.

Ахманова 1966 – Ахманова О.С., Словарь лингвистических терминов. Москва, Издательство: Советская энциклопедия, 1966 – 120 с. – ISBN 5-484-00932-4.

Гловинская 2001 – Гловинская М.Я., Многочисленность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. Москва, Азбуковник, 2001 – 319 с. – ISBN 5-93786-020-9, 5-93259-020-3.

Дементьев 2006 – Дементьев В.В., Непрямая коммуникация. Москва, Гнозис, 2006 – 376 с. – ISBN 5-7333-0181-3.

Киприянов 1975 – Киприянов В.Ф., Фразеологизмы-коммуникативы в современном русском языке: состав фразеологизмов-коммуникативов: Учеб. пособие

для спецкурсов и спецсеминаров по общ. и рус. фразеологии. Владимир, Владим. гос. пед. ин-т им. П. И. Лебедева-Полянского, 1975 – 68 с.

Меликян 2014 – Меликян В.Ю., Современный русский язык: синтаксическая фразеология: учеб. пособие. Москва, Флинта, 2014 – 233 с. – ISBN 978-5-9765-1697-7.

Падучева 2013 – Падучева Е.В., Русское отрицательное предложение. Москва, Языки славянской культуры, 2013 – 304 с. – ISBN 978-5-9551-0657-1.

Русская грамматика, Т. I – Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфология., / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Москва, Наука, 1980 – 727 с.

Русская грамматика, Т. II – Синтаксис, / Гл. ред. Н. Ю. Шведова, Москва, Наука, 1980 – 709 с.

Шмелев 1958 – Шмелев Д.Н., Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1958, № 6, с. 63-75.

Шмелев 2002 – Шмелев Д.Н., Избранные труды по русскому языку. Москва, Языки русской культуры, 2002 – 331 с. – ISBN 5-94457-036-9.

Bonnot 2010 – Bonnot C., «Les énoncés à accent non final en russe moderne. Préconstruction notionnelle et rupture énonciative», Séminaire des langues slaves de Paris 4, Mar 2010, Paris, France, 2010, 16 p. halshs-00723763.

Camus 2011 – Camus R., Le perfectif passé, Paris VII / INALCO, 2011, p. 9.

Mercier-Leca 2003 – Mercier-Leca F., L'Ironie, Paris, Hachette Éducation, Coll. « Ancrages », 2003, 128 p. ISBN-13 : 978-2011455550.

Olga Tarabanova Wambre
Jean Moulin University Lyon 3, France
olgawambre@gmail.com

Ironic Negation in Russian Dialogical Discourse: Grammatical Dimension

Abstract: Our research is focused on the phenomenon of ironic negation („Как же! Пошла я за него замуж!“, „Угу, помогут они!“, etc.) in the Russian language. We have discovered that speakers will repeat systematically the verb used in the initiating phrase and reinterpret the role of the interlocutor. Another tactic to express ironic negation is the use of ethical Dative. Particles and communicams also play an important role, as their lack can even deprive a sentence of its ironic sense. In general, we suggest considering the ironic negation in the context of syntax phraseology.

Keywords: irony, ironic negation, syntactic idioms, pragmatics, syntax